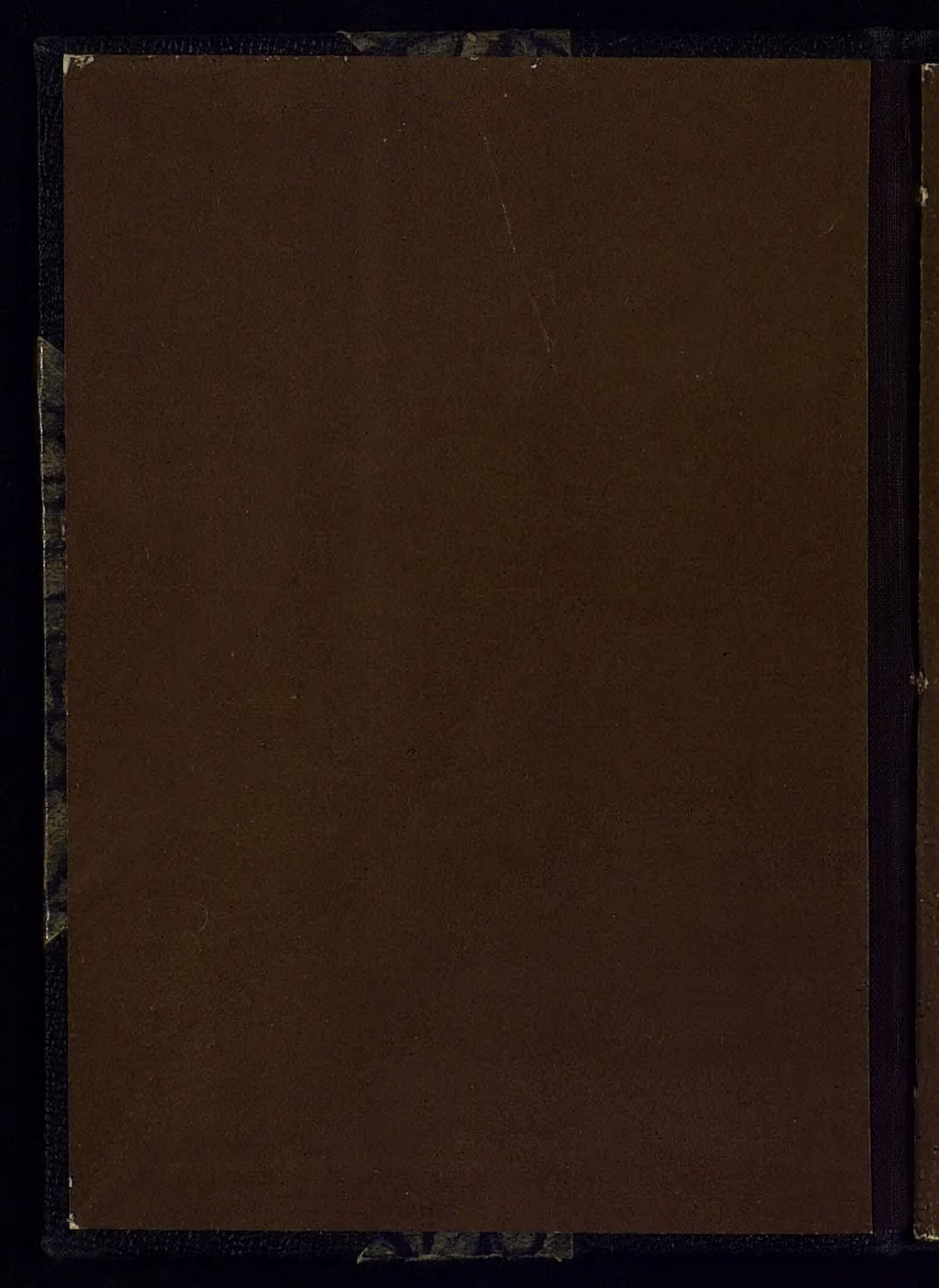
Бухарин

ЛЕНИНИЗМ

и проблема

Культ. Револ.

Н. БУХАРИН

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 9 2 8
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. БУХАРИН

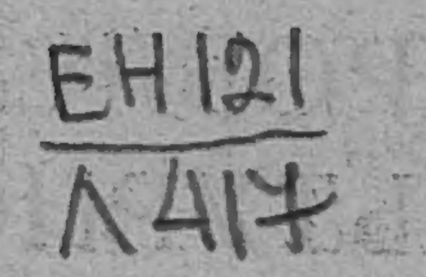
ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

★

РЕЧЬ НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗ а.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-5639. А-10.
Гиз 25338. Тир. 35.000.
Зак. 368.

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Речь на траурном заседании памяти В. И. Ленина.)

— Товарищи! На сегодняшнем траурном заседании я хотел бы взять одну лишь тему: ленинизм и проблема культурной революции. Я ее беру потому, что в настоящее время этот вопрос является одной из центральных, одной из главнейших проблем, которые стоят перед советской властью и перед нашей партией. Лучшим почитанием нашего великого учителя будет, если мы в день памяти о нем, от нас ушедшем, будем снова и снова приходить к нему для того, чтобы вновь и вновь почерпнуть силы из того учения, которое Владимир Ильич нам оставил. Ибо наша задача есть задача «изменения мира», задача, которая теоретически была сформулирована гениальным основоположником научного коммунизма — Марксом. Нам приходится сейчас бороться и преодолевать трудности совершенно исключительного порядка, нам приходится жить и бороться в капиталистическом окружении. Это — противник, который, по сути дела,

об'явил нам войну не на живот, а на смерть. Это — враг сильный, уже вооруженный до зубов и все более вооружающийся. Буржуазно-капиталистическая наука и техника, организация капиталистического труда в настоящее время растут. Серийное и стандартизованное производство, электрификация, целый ряд новейших технических изобретений, жидкий уголь, улучшенное производство и подача газа, выделка искусственного волокна, которая занимает все большее и большее место в капиталистическом производстве и которая может быть, по мановению правительственного жезла, превращена в изготовку взрывчатых веществ, наконец, крупнейшие военные изобретения, самоуправляющиеся моторы на земле, под водой, на воде и в воздухе, — все это знаменует собою такое техническое «переоборудование» капитализма, при помощи которого наш капиталистический противник плотнее усаживается на свой трон. Военный и послевоенный кризис нанес ему глубокие кровоточащие раны; этот кризис еще не изжит; на горизонте вырисовываются буревестники новых катастроф. Но, *пока что*, в рамках еще неизжитого кризиса наш противник укрепляется в основных центрах своей силы и своего могущества. Нам нужно совершенно отчетливо понять, что мы переживаем время состязания с этим еще могучим империалистическим противником. Ни на одну минуту, ни на одну секунду мы не должны упускать этого из виду. Нам суждено еще долгое время жить в кольце империалистских мечей. Нам суждена

длительная борьба с этим «Священным Союзом» буржуазной контрреволюции, который не хочет и не может оставить нас в покое, ибо наш покой, наше строительство, наш мирный труд, наш рост нарушают «покой» империалистических царств. Поэтому наше строительство и те задачи, которые мы решаем внутри страны, так тесно увязаны с вопросами «большой» международной политики и реально от этих вопросов неотделимы.

Наш противник борется с нами всеми родами оружия, наш противник борется с нами и на идеологическом фронте. Одним из важнейших орудий на этом последнем фронте является спекуляция на нашей технико-экономической отсталости, на нашей некультурности, на нашей еще неизжитой нищете. Все заправилы империализма и его певцы, все враги строящегося социализма, все ненавистники железа пролетарской диктатуры, все циники социал-демократии, все путаники мелкой буржуазии, все раз'еденные сомнениями и скептицизмом и кукующие о нашей гибели,— все они спекулируют на нашей отсталости. На крайнем фланге стоят матерые вожди международного капитализма, а на другом конце этой цепочки — наши всевозможные «друго-враги», которые — увы! — нередко заимствуют свое оружие из идеологического арсенала открытых противников социализма. Часто можно наблюдать, как какой-нибудь прожженный делец и идеолог капитала не без фальшивого пафоса вещает, что большевизм — это «великая чума», вели-

кая азиатская болезнь, которая грозит хлынуть на Европу. Истошными голосами кликуш вопят о том, что большевизм несет с собой «гибель всей цивилизации и культуры». Некоторые из особенно ретивых, особенно усердных и особенно лицемерных империалистских крикунов, в первую очередь бывшие «властители дум» императорской России, перейдя все грани зоологического бешенства, договариваются до того, что считают советскую власть воплощением царства «диавола», «сатанократией». Так, распаляясь контрреволюционной злобой, пишет трубадур аристократии г-н Бердяев. Наши социал-демократические противники с усердием, достойным лучшей участи, распространяют злостную басню, будто мы в полуазиатской стране, издревле привыкшей к восточному типу деспотии, создали режим, который ни капельки не отличается от режима Хорти и Муссолини. (В скобках замечу: когда некоторые молодые люди из троцкистской оппозиции ругают нас фашистами, они заимствуют целиком это отравленное оружие у своих социал-демократических единомышленников.) Вся социал-демократия утверждает, что мы, большевики, взялись за утопическое дело построения социализма, предполагающего большую культурность масс, и поэтому все наши «затеи» заранее обречены на неизбежный крах, на неизбежную гибель, как бы мы ни суетились и какие бы прекрасные лозунги мы ни придумывали. В великой исторической книге судеб предначертана наша гибель, ибо мы-де пошли против же-

лезных законов истории. И отошедшие от нашей партии оппозиционные осколочки точно так же идут по этой же линии, когда утверждают, что гибель наша, если только нас не спасет немедленный взрыв в Западной Европе и власть пролетариата там, почти «предрешена». Так, нажимая на различные клавиши, люди разыгрывают одну и ту же мелодию.

Характерным является тот факт, что довод от отсталости, от некультурности приводится не только против нас, большевиков СССР, когда наша революция делает один успех за другим и одерживает одну победу за другой. Чрезвычайно характерно то, что примерно этот же довод приводился очень и очень давно противниками рабочего коммунистического движения вообще, которые критиковали самую цель коммунизма, «доказывая», что не может осуществить ничего хорошего класс некультурный, класс придавленный, класс-парий, который способен только разрушать, разнуздывать дикую стихию и который неизбежно возвратит общество чуть ли не к доисторическим временам. Характерным является то, что даже полудрузья коммунистического движения не раз и не два, с самого зарождения коммунизма, в страхе отступали перед теми, которых они иногда сами же призывали в качестве спасителей от пороков современной капиталистической цивилизации. Такой крупный человек, такой великий поэт, как Гейне, человек, которого Маркс называл своим «другом» и ко-

торый действительно находился в самых дружеских и интимно-близких отношениях с основоположником научного коммунизма, писал о коммунистах и коммунизме незадолго до своей смерти (в 1854 г.):

«Нет, меня одолевает внутренний страх художника и ученого, когда мы видим, что с победой коммунизма ставится под угрозу вся наша современная цивилизация, добытые с трудом завоевания стольких столетий, плоды благороднейших трудов наших предшественников».

И в следующем, 1855, году этот друг Маркса, революционный поэт Германии, одна из самых радикальных фигур германской общественности, совсем на пороге своей личной смерти писал о коммунистах и коммунизме:

«Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконоборцы станут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят картофель. Лилии, которые не сеяли и не жали и все же были так же великолепно одеты, как царь Соломон во всем его блеске, будут повыдерганы из общественной почвы. Розы, праздничные невесты соловьев, подвергнутся той же участи. Соловьи, эти бесполезные певцы, будут разогнаны, и — увы! — из моей «Книги песен» лавочник наделает мешочков и будет в них развешивать кофе или табак для старушек будущего».

Интересно отметить, что такая крупная фигура нашей общественности, впоследствии ставший членом нашей партии, как Валерий Брюсов, в 1904—1905 г. написал очень красивое само по себе стихотворение, которое он назвал «Грядущие гунны», взяв эпиграфом лозунг: «Топчи их рай, Атилла!». «Атилла» — здесь псевдоним коммунизма; «рай» — буржуазный рай. Здесь мы читаем такие строфы:

«Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром:
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьянелой
Рухнете с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

. . . .

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Валерий Брюсов тех времен пел нам и нашему классу «приветственный гимн». Но оценивал наш класс как «грядущих гуннов».

Вот эти настроения были чрезвычайно характерны не только для мелкобуржуазных филистеров, но и для лучших голов буржуазно-капиталистического мира, даже для тех, которые, в силу своих исключительных личных свойств, пытались выпрыгнуть из сетки бур-

жуазно-капиталистической идеологии. Даже те, кто в коммунистическом рабочем движении предчувствовали нечто новое, исторически великое, что должно «волной пылающей крови» оживить «одряхлевшее тело» буржуазной культуры и цивилизации, даже они видели в рабочем классе новых «гуннов», которые разнесут все в щепки, отдадут на слом все великолепные создания человеческого гения, засеют «элементарной» рожью новые поля, стерев предварительно с лица земли все наследие старой докапиталистической и капиталистической культуры.

С тех пор как это писалось, прошло довольно изрядное количество времени. Утекло много воды и, пожалуй, еще больше крови. Это время, однако, своим железным языком сказало нам целый ряд истин, которые вряд ли подлежат сейчас сомнению для всякого мало-мальски мыслящего человека.

Оказалось, что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и все ее ценности, которые напластовались в течение веков, ставят под нож, ставят под топор, ставят под угрозу гибели не мрачные коммунистические «иконоборцы», не гуннoподобные воители коммунистического рабочего движения, а очень изящно одетые, «блестящие» и «великолепные» лейтенанты и генералы империалистских армий, вооруженных всеми приобретениями этой же цивилизации; еще более изящно одетые и лощеные дипломатические деятели христианнейших государств, с их утонченным языком, с их лайковыми перчатками, с их «благород-

ными» заботами о боге и культуре, с их «благочестивыми» мыслями об убиении коммунизма; тузы банка и биржи, со всеми своими нежными и одетыми, подобно царю Соломону, «лилиями» как женского, так и мужского пола, их ученые, которые изощряют свой ум, свои знания, свои таланты, чтобы изобретать на потребу капитала наиболее смертоносные орудия разрушения материальных и духовных ценностей современной цивилизации; священнослужители, художники, литераторы и певцы, которые всеми способами, на разных языках обслуживают истребительную политику империализма.

В стальных осколках, в ядовитых газах, во вшах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться «благородная» культура капитализма, готовая пожрать самое себя. И не мы, «мрачные иконоборцы» (как это к нам подходит!), несем эту гибель. Мы спасаем все, что есть ценного в этой культуре. Ее ставят под удар наши капиталистические противники. Это против них должен точить нож каждый честный человек, который способен размышлять над великими вопросами нашего времени.

Выяснилось и другое. Наша эпоха, наше время открыло всем и другую истину: выяснилось, что после периода временной разрухи мрачные «коммунистические иконоборцы» не только спасают все ценное, что остается от старого, но самым быстрым образом, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную человеческую массу вперед по культурной

дороге, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну, вызывают к жизни не отдельные бриллиантовые ручеечки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства.

И, наконец, третья истина раскрылась в течение этого времени. Перед нами распахнулись широчайшие перспективы творческого, строительного труда, перспективы, которых не знал и не мог знать капиталистический мир. В области хозяйства, в области работы среди масс, в области научного творчества, в области культуры вообще мы стали уже на пороге задач грандиозного масштаба, из маленьких комнатушек «камерной» культуры мы выходим на городские улицы и площади и шлем вестников культуры в села и деревни, во все медвежьи закоулки и уголки. Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она — прямо или косвенно — получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы. Он поднимает к исторической жизни задавленные и замученные национальности, помогает братской рукой развитию их культуры, он ставит поэтому и перед наукой новые задачи. Он увязывает в одну огромную организованную систему хозяй-

ственное строительство, об'единяя все большую и большую часть народного хозяйства своим государственным планом и единством плановой цели. Эти задачи точно так же ставят перед наукой интереснейшие проблемы, совершенно неведомые для науки буржуазного мира. Рабочий класс, наконец, обращает сугубое внимание на самого человека, на его труд, на его здоровье. Это, в свою очередь, вызывает к жизни молодые побеги новых отраслей знания, ставит новые задачи, по новым направлениям сближает теорию и практику, науку и жизнь.

Так все более властно механика рабочей диктатуры вовлекает культуру в массовый всеобщий жизненный оборот, подчиняя обогащающуюся науку новым потребностям жизни и приводя в соответствие ритм ее развития с биением пульса всего великого исторического процесса. Все это весьма далеко от тех мрачных пророчеств, которыми занимались даже лучшие умы буржуазно-капиталистического мира, и от того унылого, соединенного с злорадством, нытья, которым занимаются социал-демократствующие «критики», визгливыми голосками подлаивающие против пролетарской диктатуры. Правда, за период революционных битв очень много «лилий» было пообщипано. Но еще больше «лилий» было пообщипано и еще больше «соловьев» было разогнано под грохот пушек империалистической войны. Важно то, что если мы будем сравнивать разрушительную работу, которую обнаружил сам капитализм, с разрушительными сторонами

революционного процесса, то мы можем с чистой совестью сказать, что мы с меньшими издержками творим дело, которое до конца подорвет возможность разрушительной работы лощеных варваров капиталистической цивилизации.

На первый план, с точки зрения культурной работы, рабочий класс и его партия поставили массу, — не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения. Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести ее лежит именно здесь.

Как смешны, жалки и неумны обвинения, выдвигаемые против победоносного коммунизма, все эти «аргументы от культуры»!

Не кто иной, как Владимир Ильич, этот бешеный революционер, этот великий разрушитель, этот полководец рабочего класса, ведший его на штурм капиталистических крепостей, дворцов и особняков, в своих последних статьях самым резким образом поставил культурную проблему как центральную проблему нашей партийной и советской работы. Тов. Ленин с полным правом заявил, что после завоевания и укрепления рабочей диктатуры коренным образом изменяется наша точка зрения на социализм. Он писал:

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную,

«культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Эту мысль, во всей ее глубине и во всем ее историческом масштабе, должен понять каждый член нашей партии, каждый рабочий, который хочет ясно усвоить цели своего класса и его исторического движения. В основных чертах эта мысль была намечена еще Марксом.

Период рабочей диктатуры, период перехода от капиталистического строя к строю социалистическому и, далее, строю коммунистическому может быть рассматриваем с особой точки зрения, а именно: с точки зрения переделки самого руководящего класса, рабочего класса. В самом деле, мы можем процесс рабочей диктатуры рассматривать с точки зрения укрепления рабочей власти, мы можем его рассматривать с точки зрения развития хозяйственного базиса социализма, т. е. с точки зрения роста нашей социалистической промышленности, транспорта, того, что мы называем пролетарскими «командными высотами», или «социалистическим сектором» нашего хозяйства. Мы можем, однако, весь этот процесс рассматривать с точки зрения изменения природы рабочего класса. Мы можем

рассматривать, другими словами, весь этот огромный всемирно-исторический процесс с точки зрения переделки масс, изменения их природы и, в первую очередь, с точки зрения переделки самого пролетариата.

Маркс, как известно, писал, что в великих гражданских битвах, в битвах народов, наполняющих тот бурный период, который отделяет капиталистическое общество от коммунизма, рабочий класс переделывает свою собственную природу. Ленин, который ни на одну иоту не отступал никогда от марксистского учения, а лишь развивал и углублял его, рассматривал эту проблему «переделки масс» в качестве важнейшей, труднейшей и существеннейшей проблемы, которая стоит перед нашей партией.

Как ставил вопрос Владимир Ильич, когда он подходил к расшифровке понятия культурной революции?

Он говорил:

«Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это — задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве как экономическая цель преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это

условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (*именно крестьянства как громадной массы*), *что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции*».

Когда мы читаем снова и снова эти строки, то невольно прежде всего набегает мысль: куда же девался во всей этой установке тов. Ленина рабочий класс? Выдвинуты на целую *эпоху* (это нужно подчеркнуть: речь у Владимира Ильича идет именно об *эпохе*) две задачи: переделка *госаппарата* и поголовное кооперирование *крестьянства*. Для поверхностного «критика», всюду выискивающего «национальную ограниченность» и «крестьянский уклон», ничего бы не стоило об'явить эти задачи *эпохи* выражением какого-нибудь «сползания». Как же решается, однако, вопрос по существу? Когда тов. Ленин говорит о переделке нашего государственного аппарата, то он этот вопрос берет в неразрывной связи с вопросом о культурном под'еме самого рабочего класса. Ибо что такое в самом деле государственный аппарат в СССР? Это — остов государственной власти. А что такое государственная власть в нашей стране? Это есть, говоря языком Маркса, рабочий класс, «конституированный как государственная власть». Государство у нас — это есть самая широкая организация рабочего класса. Следовательно, переделка государственного аппарата, задача, которую тов. Ленин устанавливал на эпоху, является одной —

и важнейшей—стороной нашей работы среди рабочего класса. По какой линии надо переделывать наш государственный аппарат? По линии борьбы с бюрократизмом, по линии воспитания рабочих масс, по линии обучения рабочих масс искусству управления. Переделка госаппарата — это есть в огромной степени культурная проблема. В своей речи о программе партии (VIII с'езд) тов. Ленин говорил:

«Мы отлично знаем, как эта некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен все трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы, — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадного длительного труда».

Лишь понемногу рабочий класс «вызревает» в культурном отношении; он «вызревает» не сразу; он «вызревает» не всеми своими пластами одинаково; он «вызревает», если так можно выразиться, «по частям»: не все рабочие проходят через рабфаки и вузы; не все рабочие становятся красными директорами или советскими администраторами; не все в одинаковой степени близки органам советской власти, и т. д., и т. п. Но, хотя по частям, все же рабочий класс поднимается со ступеньки на ступеньку. Когда его подавляющая масса будет прочно сидеть у рычаж-

ков управления, тогда бюрократия и бюрократизм умрут естественной смертью. Повышение культурного уровня рабочих есть поэтому предпосылка действительного улучшения нашего госаппарата.

Итак, весь огромный план Владимира Ильича, который беглыми, но очень четкими штрихами намечен в цитируемой статье, распадается на две огромных проблемы: первая — кооперирование крестьянских масс, для чего нужна целая культурная революция; вторая — переделка нашего государственного аппарата и заполнение всех его пор культурно-выросшими рабочими. Смычка между поголовно кооперированным крестьянством и костяком государственной власти, избавленным от ее бюрократических зол, костяком, представляющим собою действительно «конституированный как государственная власть рабочий класс», это и есть великая организационно-культурная задача эпохи. Для Ленина в центре всего, повторяю, стоит масса. У нас много лет тому назад (и в самой нашей партии и около партии) была целая полемика по поводу культурных задач. Владимир Ильич выступал тогда со всем своим темпераментом, со всей революционной страстью и со всеми тяжелыми булыжниками своей подавляющей логики против ошибок, намечавшихся в наших рядах. Многие после Октября сразу хотели взвиться на пролетарские небеса, слишком увлекались, яростно и горячо дебатировали вопросы пролетарской культуры, готовили немедленную революцию во всех сферах науки и техники; не-

которые мечтали создать пролетарскую культуру чуть ли не опытно-лабораторным путем. Владимир Ильич громил всеми родами оружия такую постановку вопроса. Почему? Теперь это более чем ясно. Он поступал как дальновидный стратег. Он справедливо опасался, что люди увлекутся надуманными, лабораторно-узкими, тепличными проблемами, отвернутся от массовых, неизмеримо более элементарных, но абсолютно насущных в своей элементарности культурных нужд. Вот почему «болтовне», «фразам» о пролетарской культуре он противопоставлял борьбу с такими вещами, как взятки, комчванство, безграмотность. Вот враг, — говорил он, — нужно бить по нему, сосредоточить таран ваших усилий именно здесь, и тогда что-нибудь да выйдет. Если мы будем замыкаться, если мы будем от'единять рабочий класс от массы или часть класса от всего класса, или какую-нибудь маленькую группировочку из пролетариата от ее социальной пуповины, то мы сделаем огромную и непростительную ошибку. Не в том дело, чтобы сразу же перевернуть все науки, а дело в том, чтобы взять на мушку элементарнейших врагов грамотности и культуры и их подвергнуть наиболее быстрому разгрому, эти задачи поставить на первый план, на этом концентрировать все внимание нашей партии и этого врага смертным боем бить.

В связи с этим Владимир Ильич ставил вторую задачу, а именно, задачу взять все, что можно, от капитализма. Нельзя говорить: «б», не сказав «а», нель-

зя переносить центр тяжести на революцию в области математики, биологии, физики, не решивши хотя бы на известный процент задач предварительных, элементарных, тех, которые вопиют к небу, тех, без решения которых можно свалиться и погибнуть. Вот почему Ленин с такой сокрушительной настойчивостью ставил задачу взять от капитализма все, что можно взять. На митинге в Ленинграде (в марте 1919 года) Ленин говорил:

«Масса его (т. е. капитализм. — *Н. Б.*) раздавила; но от раздавленного капитализма сыт не будешь; нужно взять всю его культуру, которую капитализм оставил, и построить социализм; нужно взять всю технику, науку, знание, искусство, — без этого жизнь социалистического общества невозможно построить. А эта наука, техника, искусство в руках специалистов и в их головах».

Нужно вспомнить, что в то время значительная часть рабочих — да и членов нашей партии в том числе — не понимала всей необходимости этого, и нужна была железная воля и железная логика Ленина, чтобы не дать «левой фразе» заесть живое дело правильной революционной политики, через сложнейшие зизгаги исторического пути выводившей пролетариат из лабиринта величайших опасностей.

Однако было бы абсолютно неправильным изображать дело так, будто бы Ленин считал необходимым простой перенос буржуазной культуры к нам во

всей ее целости и неприкосновенности. Такой установки у него не было. Ленин неоднократно говорил, что надо заимствовать то, что полезно пролетариату, решительно отметая все вредное. Достаточно известно его отношение к религии, философскому идеализму, буржуазной общественной науке и т. д. Он неоднократно выступал против людей, у которых весь их головной зарядный ящик начинен буржуазными традициями. В частности, есть даже его выступления, где он говорит, что в области искусства у нас оказалось много выходцев из буржуазного мира, которые под видом пролетарского искусства преподносят нам нечто «совершенно несуразное». Но Владимир Ильич, как гениальнейший полководец, умел распределять силы в зависимости от важности того или другого участка культурного фронта. А это есть одно из главнейших условий правильной политики вообще, культурной политики — в частности. Ибо, по Ленину, наша «мирно-организаторская», «культурническая» и пр. работа не есть какая-то мирная идиллия, а есть особая форма классовой борьбы пролетариата за социализм. Даже тогда, когда Ленин говорил, что «коммунизм мы должны строить руками врагов» или, что «хороший буржуазный специалист лучше десяти плохих коммунистов», он говорил не о чем другом, как об этой, особыми методами ведущейся, классовой борьбе.

С тех пор как Ленин писал свои последние статьи, прошло уже изрядное количество времени. Каждый

грядущий год будет говорить нам со все возрастающей ясностью, что у Владимира Ильича по каждому отдельному случаю будет оказываться все менее готовых рецептов. Ленинизм, однако, заключается отнюдь не в этих готовых рецептах. Владимир Ильич требовал от нас изучения того, что есть, во всей его конкретности, во всех особенностях. Владимир Ильич был чрезвычайно далек от мысли, что можно лозунги и мероприятия, которые мы предпринимали 2, 3 и 4 года назад, переносить на любое время. И если мы хотим действовать в духе Владимира Ильича, то мы должны отдать себе отчет во всех изменениях, которые произошли с тех пор, мы должны учесть, часть каких задач мы уже выполнили, часть каких задач нужно еще выполнить, как эти задачи расставить по-другому, взять в иной пропорции, какие совершенно новые проблемы стали перед нами и т. д. Только так должны ставить вопрос ученики Ленина.

В цитировавшейся уже статье о кооперации тов. Ленин писал:

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурным, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».

Верными остаются эти положения? Конечно, верными. Но кое-какие количественные изменения все-таки с тех пор произошли. Мы сейчас не переживаем периода голодовки; мы, несмотря на чрезвычайное напряжение нашего государственного бюджета и ряд крупнейших хозяйственных затруднений, все-таки всю нашу экономику и весь наш бюджет безусловно перевели с тех пор на гораздо более высокую ступень. То, что тогда могло звучать в значительной мере как благое пожелание (увеличение материальных средств на культуру), сейчас становится для нас не только необходимостью, но и — в известной мере — такою необходимостью, которую мы, несмотря на целый ряд затруднений на других фронтах, все же должны удовлетворить. Если Владимир Ильич в одной из своих речей говорил о том, что нам нельзя скаредничать в деле просвещения, то это нужно повторить сейчас с гораздо большим заострением, ибо даже целый ряд вопросов хозяйственного строительства упирается сейчас в проблему культуры. Всем известно, например, что у нас есть целый ряд крупных недостатков в нашей работе по капитальному строительству: и просчетов, и халатности, и достаточного количества плохих проектов, и т. д., и т. п. В конечном счете это есть вопрос нашей культуры; мы страдаем даже по непосредственно-производственной линии от того, что мы не всегда достаточно следим за западно-европейским и американским опытом; что мы желаем нередко открывать Америки,

которые давным-давно уже открыты; что мы не научились еще достаточно хорошо **считать**, хотя это нам важнее, чем для капиталиста, потому что у нас хозяйство большего масштаба. Мы слишком **дорого** строим и потому, что у нас очень дорог материал, и потому, что мы применяем устарелые технические приемы, тогда как об'ективно возможна другая строительная техника. Но это только одна из очень многих сторон дела. Разве рационализация производства не упирается в проблему большей культурности нашего рабочего, нашего служащего, нашего инженера, нашего администратора? Разве плохая работа нашего аппарата и в городе и в деревне не связана с этим? Разве мы не подняли бы темпа увеличения мелких сбережений при более культурных привычках масс? Разве не шла бы успешнее борьба с бюрократизмом, который есть не только социальное зло, но и тормоз развития производительных сил нашего хозяйства? и т. д., и т. п. Словом, мы страдаем по непосредственной линии производства очень часто потому, что мы недостаточно еще культурны. Как никак, однако, средства у нас в известном количестве теперь появились, и это есть очень крупное завоевание. Вспомните о том положении вещей, когда Владимир Ильич говорил, как о крупном успехе, о 20 млн., которые мы накопили. Теперь мы имеем дело с шестимиллиардным бюджетом. В этом отражается огромный прогресс, который совершило наше советское строительство.

Во-вторых, мы разбудили и подняли активность народа в высочайшей степени — и пролетариата и крестьянства. Мы подняли и культурные запросы масс. Наш крестьянин и наш рабочий — это уже не крестьянин и не рабочий дореволюционного времени. Более того, мы даже за четыре последних года видим огромнейший рост культурности нашего рабочего класса, культурности нашего крестьянства, повышения культурных потребностей масс. Один из деятелей среди крестьян и педагог, теперь член нашей партии, тов. Шацкий рассказывал мне, что даже в такой отсталой губернии, как Калужская, в деревнях у отдельных крестьян можно встретить свои библиотечки по 400—500 томов. Иногда «мужички» рассуждают о Толстом, Тургеневе и т. д. Разве было что-либо подобное до октябрьского пришествия коммунистических «гуннов»? Мы настолько расшевелили сейчас культурные потребности масс, что нам трудненько становится уже платить по векселям, которые мы выдали по этой линии. Поэтому совершенно естественно, что наша партия, актив рабочего класса, наиболее передовые слои крестьянства должны изо всех сил подтянуться, чтобы этот растущий спрос широких масс удовлетворять.

Культурность масс поднялась и по линии элементарной грамотности. Культурность масс поднялась и потому, что страшно расширился кругозор масс вообще. Культурность масс небывало поднялась и по линии политического просвещения.

Если мы говорим о наших завоеваниях, то, я думаю, мы можем сказать, не погрешая против действительности, что в области политической сознательности—классовой сознательности такого пролетариата, как наш пролетариат, нет во всем мире. Пожалуй, даже можно сказать, что по политическому кругозору, который имеется и у нашего крестьянина, т. е. по степени его политической осведомленности в больших вопросах мировой политики, вряд ли он стоит ниже, чем гораздо более культурный, в смысле своего хозяйства и пр., западно-европейский крестьянин.

Если мы возьмем эту область культуры, то мы можем сказать, что великая переделка масс, которая произошла за время революции (отчасти стихийно, отчасти сознательно: через Красную армию, нашу политпросветительную работу, через весь механизм рабочей диктатуры), поставила эти массы политически в авангарде всех трудящихся мира.

Огромнейшая работа проведена среди рабочего класса, среди крестьянства. Огромнейшая работа произведена среди народов, которые раньше считались «инородцами». Этой стороной дела ни в коем случае нельзя пренебрегать. Она имеет значение гораздо большее, чем мы обычно думаем. Мы провели также значительную воспитательную работу среди наиболее отсталых слоев трудящихся, в первую очередь среди женщин. Всего этого нельзя было бы ни в коем случае достигнуть без диктатуры рабочего класса. Предвари-

тельным условием успеха был тот язык железа и стали, которым говорила рабочая диктатура в период гражданской войны.

Следовательно, мы можем сказать, что мы сделали очень значительные завоевания в работе среди масс. Мы сделали, однако, значительные завоевания и в работе над кадровым составом наших работников. Мы приобрели большие организационные навыки; мы приобрели больше знания; мы приобрели большой опыт. Разве мы теперь уже не выдвинули значительного количества наших собственных военных кадров? Выдвинули. Командный состав Красной армии — это уже в значительной мере не старые специалисты, а квалифицированные силы, выдвинутые из социальных «низов». Костяк, скрепляющий всю армию, состоит уже из своего социального материала, из элементов, обработанных той великой политической машиной, имя которой есть рабочая диктатура. Мы уже начинаем выдвигать кадр наших техников. Мы по всей стране имеем кадр наших, уже сравнительно опытных, адмиминистраторов, в первую голову из рабочих, прошедших суровую школу гражданской войны, борьбы с голодом, борьбы с нищетой. Эти люди сделаны из очень крепкого, очень добротного материала. Это — рабочие, кряжистые передовики, в огне нашей революции получившие не только великолепную закалку «плеч и рук и голов», но и приобретшие огромнейший опыт, соединенный с известной теоретической выучкой.

Они-то непосредственно и держат различные, большие и маленькие, рычажки нашего огромнейшего механизма: хозяйственного и политического, советского и партийного. Все они по своей административной культурности, по своему опыту, по своим знаниям, по своим навыкам, по своим культурным запросам весьма далеко стоят от тех очень революционных, но мало опытных людей, которыми они вошли в период гражданской войны. Так обстоит в общем дело с нашими кадрами.

Но за последнее время мы начали ставить (и решать) также и те задачи, которые отодвигались В. И. на неопределенное будущее, ибо в то время их действительно нельзя было ставить. Таковы задачи, которые суммарно можно было бы назвать задачами научной революции, революции в науке, в ее методе, в ее системе. Несколько лет назад этого еще не было и не могло быть. А теперь эта задача не только ставится, но уже частично решается. В целом ряде наук, не только общественных, где марксизм давно уже имеет свою прочную гегемонию, но и в области естественных, происходит глубокая переделка: марксизм нащупывает свои позиции и там, запускает и туда свои щупальцы. Это чрезвычайно интересное явление, которое, к сожалению, чрезвычайно мало освещается в печати. У нас есть уже крупные биологи из старых ученых, которые с азартом обсуждают вопрос о марксистской диалектике в области биологии. Физика, химия, физиология — захва-

чены тем же потоком. То же нужно сказать о рефлексологии, психологии, педагогике. Есть даже общество математиков, которые обсуждают вопрос о методах марксизма в математике. Все это показывает, что наш культурный рост добирается до самых высоких областей культуры, что марксизм, который орудовал винтовкой, политической пропагандой, хозяйственной борьбой, развернул свою работу решительно по всему фронту культуры, забрался во все этажи культурного здания, проник до самых «святая святых» прежней культуры, переделывая ее по своему образу и подобию. То же самое происходит и в области искусства. Не моя задача перечислять все новые и новые завоевания в этой области, но всякому беспристрастному человеку ясно, что новая литература, очень близко к нам стоящая, у нас в значительной степени уже народилась. Все могут отметить также, что текущий год есть год решительного перелома в нашем театре. Такие постановки, как «Мятеж», «Бронепоезд», «Любовь Яровая», «Разлом», совсем не случайны.

Разумеется, все это имеет огромное практическое значение. Если искусство начинает говорить более или менее нашим языком, и притом не заикаясь, не сюсюкая и не оглядываясь по сторонам, — это означает, что значительные массы людей «заряжаются», «настраиваются» на революционный лад. Если естественные науки — не говоря уже об общественных — начинают переживать свою революцию, — это значит,

что они гораздо скорее станут орудием культурной и хозяйственной революции. Если широкие круги педагогов будут стоять на нашей точке зрения не «страха ради иудейска», а по убеждению, не формально, а по существу, — это значит, что новое поколение смелее пойдет за нами и скорее будет расти к социализму.

Таковы наши успехи и наши завоевания

по линии переделки масс,
по линии переделки и выработки кадров,
по линии революции в науке и искусстве.

Выполнена ли тем самым наша «историческая миссия»? Конечно, нет. Мы сделали только первые шажки. Мы плаваем еще по горло в целом океане нищеты и бескультурья. И работы перед нами, работы бешеной и страстной, целые горы.

Правда, некоторые «культурные» наши враги, осененные всей благодатью старого мира, предвещают нам быстрый конец, за нашей, так сказать, «исторической ненадобностью». Так, напр., пресловутый профессор Устрялов считает, что мы победили потому, что мы были, по сравнению со всеми «белыми», людьми, много более энергичными. Однако нам все же предстоит погибнуть по всем правилам устряловского гороскопа. Г-н Устрялов пишет про нас:

«Железные чудища, с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?

Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгущих конденсированной энергией!

Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей и, миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей опустошенности».

Г-н Устрялов предвидел, правда, кое-каких нытиков, начавших «внутренне опустошаться», в своей «опустошенности» начавших даже атаку против всего нашего дела. Но эти «микробы» были передвинуты на более северную зону. (Смех, бурные аплодисменты.)

Что же касается нашей «опустошенности», «опустошенности» нашей партии, то г-н Устрялов оказался пророком поистине никудышным. Партия настолько «опустошилась», что рабочий класс на попытку «микробов» поголозиться в порах партийного организма ответил посылкой армии в сто тысяч бойцов, которые влились прямо от станка в коммунистические ряды. «Железные чудища» разгромили белых вовсе не потому, что Колчаки и Деникины были воплощением трех сестер (то, что они тоже кричали «в Москву! в Москву!», делало их мало похожими на провинциальных барышень: профессиональные вешатели, они имели и пушки и иностранное золото!). «Железные чудища» разгромили их потому, что вели за собою массы, что опирались на пролетариат. И эти «железные чудища» не только не собираются помирать от каких-то дрянных микробов, а смело и твердо строят и бьются

с еще более возросшей энергией, с полным сознанием своей творческой миссии, на всех фронтах культуры, ведя массы к новым и новым победам и преодолевая со зверским упорством отчаянные трудности на своем пути.

Если мы сейчас спросим себя, что же нам нужно делать и какие главнейшие задачи на этом культурном фронте борьбы стоят в настоящее время перед нами, то, мне кажется, на этот вопрос следовало ответить таким образом: в области культурного строительства нам нужно скорее изживать период, когда «старое» разбито, а «новое» еще не построено. Есть известная закономерность во всей нашей великой революции: и в области хозяйства, и в области политики, и в области культуры. Было время, когда мы разворотили старый хозяйственный аппарат, разбили его, когда старая дисциплина труда покачнулась. Мы разрушили эту старую дисциплину труда, но не сразу наладили новую. Мы разрушили старую систему хозяйства, старую систему управления, но не сразу построили новую. Так было и в области армии, в области военного дела. Старую армию мы разложили, и это нужно было сделать; нельзя ведь изготовить яичницу, не разбив яйца. Но не сразу мы добились организации Красной армии.

Так было в области государственного аппарата. Так сейчас происходит, еще происходит, в области культуры. Мы, например, буржуазно-

мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками, но сказать, что мы уже построили собственные нормы поведения, такие, которые бы соответствовали нашим задачам, еще нельзя. Многие с презрением относятся к старой морали (и это хорошо), но своих норм еще не имеют, болтаются в каком-то безвоздушном пространстве без узды. Это очень плохо, и от этого мы терпим величайший урон..

В области быта, в области норм, регулирующих отношения между людьми, в области искусства и в целом ряде других областей, которые по существу дела и составляют то, что называется «духовной культурой», мы еще не «построились», а в некоторых областях у нас нет еще и чернового чертежа постройки. Это имеет часто весьма крупное отрицательное значение. Всем известны соответствующие примеры из самых различных сфер быта и общественной жизни вообще: разрушенная (и поделом разрушенная) старая семейно-половая «мораль», но еще очень слабое воздействие вырабатывающихся новых норм поведения в этой области; отсюда, из такого промежуточного положения, вытекают некоторые уродливые и в высокой степени отрицательные черты нашего быта; разрушенная старая идеология «двадцатого числа» у служащих и чиновников, но отнюдь не вколоченная еще со всей необходимой силой идеология работы для трудящихся, уважения к «просителю», особливого уважения к трудящемуся «просителю», бережливого отношения к го-

сударственным средствам и т. д., и т. п.; прежний «идеал» послушного начальству подданного мы разнесли в щепки, но сказать, чтобы в жизни — и в массовом масштабе — мы воспитали уже тип сознательного общественника, борца на всех фронтах строительства, преследующего и шкурника и подхалима, — этого сказать еще нельзя. Мы только идем к этому, но сделали лишь первые шаги. Вся проблема рационализации не только производства, но и быта, стоит перед нами именно как проблема, как задача, которую еще только нужно решать или, вернее, начать решать. Здесь нам нужно подтянуться, идет ли речь о массах, или о кадровом составе, или даже о «верхушечных» руководителях. Здесь мы не только не доделали еще нашего дела: мы еще часто не заложили даже фундамента. Таким образом, если мы говорим о некоторых общих задачах, которые перед нами стоят в этой области, то мы можем сформулировать их так: мы должны скорее изживать остатки промежуточного положения, когда старое разрушено, а новое еще не построено. Исходя из этой установки, мы должны поставить перед собою целый ряд задач по отношению к массе — во-первых, по отношению к кадровому составу, который является передовым слоем этой массы, — во-вторых, даже по отношению к самым квалифицированным руководящим слоям — в-третьих. Если речь идет о массе, разумеется, перед нами стоит еще в качестве основной задачи задача возможно быстрее итти вперед по линии элемен-

тарной грамотности. В высокой степени неправильно, — а это иногда бывает, — когда «сокращают» избы-читальни, библиотеки, даже школы. «Скредничать» здесь теперь прямо недопустимо; воспитывать «цивилизованных кооператоров» без расширения сети образовательных учреждений нельзя. Возможно шире мы должны поставить и заботу о здоровье массы, в частности развернуть борьбу с алкоголизмом и сифилисом. Только безграмотные и действительно некультурные люди могут проходить мимо этих задач. Недавно я просматривал книгу одного немецкого профессора, Бумке, под названием «Культура и вырождение», появившуюся и на русском языке. Бумке целым рядом данных доказывает, что в послевоенный период особенно подрывает дееспособность масс именно алкоголь и сифилис, а у нас это особенно сильно чувствуется. Борьба с алкоголизмом, организация действительно разумных развлечений, надлежащая постановка кино и радио, всемерное развитие физкультуры, — все это должно быть нашей задачей.

Нам необходимо, далее, из всех сил учить широкие народные массы рационализации хозяйства и уменью правильно считать. Это годится не только для рабочего класса, но и для крестьянства. Тов. Шацкий провел, например, обследование целого ряда крестьянских дворов и пришел к совершенно неоспоримому выводу, что, несмотря на низкий уровень бюджета, можно было бы — даже в рамках

этого бюджета — достигнуть много большего производственного эффекта. Приводились примеры точных обследований крестьянских бюджетов и соответствующих расчетов, которые были через школьников розданы крестьянам и произвели сильное впечатление. Эти расчеты наглядно показывают, как даже в рамках обычных бюджетов крестьянское хозяйство может прыгнуть на ряд ступенек выше. Далее, следовало бы подумать о целом ряде мероприятий, которые помогли бы крестьянину заботиться не только о е г о дворе, а, скажем, о целой волости, волостном бюджете, т. е. о хозяйстве «общественном». Мы ведь должны держать курс на то, чтобы эти волости превращались в составные части того, что Ленин называл «государство-коммуна». Вопрос о бюджете р а б о ч е г о, о его семейном бюджете, вопрос об участии его в производстве, о более прочной заинтересованности в ходе производства, о более сознательном и социалистически-культурном отношении к этому производству есть один из крупнейших вопросов нашего хозяйства. Но нужно двинуть и дело рационализации б ы т а. Нужно сказать, что мы еще в высокой степени некультурны, в особенности по сравнению с теми задачами, которые стоят перед нами. Мы иногда пальцем о палец не можем ударить, чтобы исправить мелочи, от которых многое зависит. Вопрос о развлечениях, клубах, радио, кино; вопрос о банях, прачечных, хлебопекарнях, школах и библиотеках; целый ряд других «житейских» «бытовых» вопросов нередко «решается» так, что мы нари-

суем хорошую картину общих «заданий», «планов», «установок», а приведение всех этих пожеланий «во исполнение» двигается чрезвычайно медленно. Между тем, еще Ленин отмечал, что наша пропаганда должна быть пропагандой показа, примера, делового выполнения, а не той «политической трескотней», которая в свое время была полезна, а теперь уже в значительной мере устарела. Есть целый ряд указаний на то, что наша работа весьма бы выиграла, если бы мы формы теперешних ревизий и бумажной отчетности заменили бы хорошим инструктажем. Реальная практическая помощь не разочаровывала бы ни крестьянина, ни рабочего, ни трудящегося человека вообще, тут чувствовалось бы настоящее, живое дело, а не бюрократическая волокита. Вот примерно главные задачи, которые стоят перед нами, поскольку речь идет о массах.

Эти задачи не могут быть, однако, решены, если мы не подтянем наш кадровый состав. Один крестьянин дал весьма выпуклую формулировку наших недостатков, когда сказал: «Стремительных людей у вас, коммунистов, много, а делопроизводительных людей мало». (Смех.) Это в значительной степени правильно. «Стремительность» заключается в том, что мы с большой быстротой, что угодно «намечаем» и «планируем». Но проверки исполнения (а сколько раз эту задачу подчеркивал Владимир Ильич!) у нас еще нет. Между тем именно практическое выполне-

ние принятых хороших решений есть наилучший способ пропаганды примером. Внимание к практическим вопросам хозяйства и культуры в деревне, помощь на практике даже в мельчайшем «вопросике» убедительнее, лучше, чем целые горы «политической трескотни». Вот этот вид пропаганды и этот вид работы необходимо выдвигать на первый план. Но есть также многие элементарнейшие «добродетели», которые нашему кадровому составу практически мало известны, очень мало еще в'елись в плоть и кровь. Весьма и весьма полезно напоминать те простые лозунги, которые Владимир Ильич ставил во главу угла для строительного периода: знай счет деньгам, веди экономно хозяйство и т. д. Этого в значительной мере у нас еще нет. Если бы эти необходимейшие свойства действительно были усвоены нашими кадрами, разве были бы у нас такие просчеты, какие есть теперь? Их не было бы. «Будь аккуратен», это — тоже весьма и весьма элементарное правило. Но разве можно сказать, что наш кадровый состав усвоил себе это правило, что наш кадровый состав на сто процентов аккуратен? Этого сказать никак нельзя: еще до сих пор сидят в нас остатки истинно-русской растяпистости. Нужно учиться еще большей быстроте ориентации, еще большей исполнительности, еще большей деловитости. Нужно воспитывать в себе чувство массы, чувство связи с массами, чувство постоянной и непрерывной заботы об этой массе, всюду и везде, сидишь ли ты в кабинете треста, синдиката,

профсоюза, горсовета, губкома или укома. Необходимо воспитывать еще и еще чувство о т в е т с т в е н н о с т и: у нас нередко бывает, что в силу нашей организационной неразберихи совершенно неизвестно, кто и за что отвечает. Воспитание этого чувства ответственности, ответственности перед нашим классом, ответственности перед нашим государством, ответственности перед самим собой — это тоже одна из культурных задач. В некоторых прослойках нашей партии имеются некоторые тенденции самодовольного почивания на лаврах: из голода, мол, вылезли, и слава богу! Это бюрократическое самодовольство нужно всячески громить, ибо психология самодовольства есть небольшевистская, некоммунистическая психология. С ней мы далеко не уедем. Нужно со всей энергией поставить перед каждым работником, перед каждым настоящим, верным солдатом нашей партии этот вопрос. Пока мы живем — никакого успокоения, никакого душевного «жирка»!

Нам необходим, далее, под'ем с п е ц и а л ь н ы х з н а н и й в нашем кадровом составе. Мы имеем тут целый ряд прорех. Например, у нас очень мало средних техников, наши новые инженеры недостаточно квалифицированы. Средних техников, средних агрономов — вот этого персонала у нас чрезвычайно мало. Очень часто наши партийные работники, которые незнакомы с целым рядом конкретных практических вопросов, требующих специальных знаний, не могут выполнять теперь и своих партийно-политических функ-

ций, ибо теперь ни крестьяне, ни рабочие не могут удовлетвориться такого рода политическим руководителем, который говорит о Чемберлене, но не понимает ничего ни в крестьянском хозяйстве, ни в агрономии, ни в технике. Члены нашей партии не только правят, но и управляют, не только намечают «линию», но и практически ее проводят,—они являются не только «политиками вообще», но и администраторами. Раз это так, то эти работники должны обладать с каждым годом все большими и большими знаниями по целому ряду вопросов. И здесь нужно, на-ряду с под'емом этих знаний, с возрастанием чувства ответственности перед массой, обратить особое внимание на так называемую проблему «мелочей».

Попробуем произвести такой опыт: вырезываем из отделов «рабочей жизни», из соответствующих корреспонденций с фабрики, заводов и т. д., корреспонденций, помещенных в «Экономической жизни», в «Труде», в «Гудке», в «Правде», «Рабочей газете» и т. д., замечания относительно всяких недостатков и безобразий. Попробуйте теперь проанализировать эти различные недостатки и вы придете к заключению, что $^9/_{10}$ различных безобразий не вытекают из «об'ективных условий», а могут быть устранимы при внимательном отношении к делу. Если среди рабочей массы есть значительные остатки несознательного отношения к государственным интересам, то, с другой стороны, мы имеем дело с некультурностью наших управляющих кадров, в том числе партийцев. Если у рабочего, который

работает непосредственно на производстве, бывает иногда психология халатности, то у кадровиков частенько встречается желание «как-нибудь обойтись» («живали и хуже, как-нибудь проживем и теперь», «не так уж все плохо» и т. д.). Это гнилая психология. Каждый руководитель — и в первую голову коммунист—должен быть примером пионера культуры, самым внимательным образом вылавливающего все недостатки и решительным образом их исправляющего. Ни одна мелочь не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего влияния. Таких «мелочей» не должно быть. Из этих мелочей составляется «быт». Эти мелочи могут стать даже политическим фактором. Сонливое, обломовское отношение к этим «мелким» недостаткам есть чума, которую мы должны раздавить и уничтожить. Мы должны изо всех сил нажать на всех наших работников — профсоюзных, советских, партийных, которые имеют непосредственную связь с массами. Тот не коммунист, кто относится к этим вопросам «спустя рукава». Эта халатность, это невнимание к непосредственным нуждам масс легко перерастает в гнусный бюрократизм, в самодовольство чиновника. Это есть варварство, которое мы должны уничтожать всеми средствами. Нужно сказать всем нашим работникам, что нельзя воспитывать массу, нельзя требовать от массы, чтобы она поднималась на все более и более высокую ступеньку трудовой культуры, если ты сам подаешь пример бюрократической самовлюбленности и

самодовольства. Необходимо прислушиваться к каждому критическому замечанию со стороны массы, а не об'являть всякую критику антисоветским выступлением, как иногда делают злостные дураки или бюрократические самодуры.

Что касается еще более «высоких» руководящих кадров, то здесь нужно выдвинуть примерно такие вопросы: бо́льшее знакомство с опытом Запада и Америки, бо́льшее продумывание наших крупных хозяйственых и всяких иных планов и маневров, разработка целого ряда научных вопросов по специальным линиям, периодические об'езды СССР. Мы говорили неоднократно, что задачей коммунистов является революционность и деловитость, революционность и американизм. Но что такое революционность? Революционность — это есть соподчинение каждого шага основной революционной идее, в наших условиях идее международной революции, с одной стороны, строительства социализма, — с другой. Революционность предполагает не только такую умственную, интеллектуальную установку. Революционность предполагает и определенную настроенность, революционную страсть, революционный оптимизм. Революционность предполагает определенную веру в свое дело, революционность предполагает отрицание нытья, пессимизма, уныния и всякого гнилья. Это гнилье в корне противоречит всякой по-настоящему революционной установке. Класс восходящий не может сочувствовать или быть связанным так или иначе с гни-

лой и упадочнической психологией. Наш оптимизм нельзя, конечно, смешивать с глупым оптимизмом, который утверждает, что все на свете есть благо: у Вольтера был такой герой, Панглосс, который и в случае землетрясения и в случае весьма неприятной болезни утверждал, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Мы не можем стать и на точку зрения какого-нибудь блаженного Августина, который утверждал, что господь-бог создал «зло» только для того, чтобы лучше оттенять «добро». Мы — не Панглоссы и не блаженные Августины. Но мы должны решительно бороться со всякими проявлениями перерождения, упадка, разложения, проявляются ли они в литературе (есенинщина), в политике, в быту — где угодно. Естественно, что класс восходящий только тогда может выполнять стоящие перед ним задачи, творить свое великое дело, когда он полон веры в свои собственные силы и в то дело, которое он делает. Бывали в истории нашей революции очень тяжелые времена. Но наша партия потому и вышла победоносно из этих тяжелых времен, что она была несгибаемой партией и никогда, ни при каких условиях не теряла веры в свое великое дело. В этом отношении ее вождь, Владимир Ильич, был образцом нового человека-борца. У одного из величайших поэтов, у бельгийского поэта Верхарна, есть замечательное стихотворение, которое называется «Трибун», где почти каждое слово может быть отнесено к Владимиру Ильичу, этому железному вождю пролетарских масс:

Что смерть ему? Свое предназначенье
Он выполнил — земное свершено...
. . . .
И, покидая жизненную сцену,
Он знает: кто-нибудь придет ему на смену.
Он юных духом вел с собой
Завесу поднимать над будущим счастливым.
Не он смутился временным отливом,
Всегда сменяющим стремительный прибой.
Его душа жила в грядущем так далеко,
Как только мог проникнуть взор
В его неведомый простор.
Не всем дано вместить крылатый жест пророка;
И все же мысль его оделась в кровь и плоть;
Он жизнь сумел согнуть и побороть.
Он выпрямил ее, в порыве к формам новым,
Открытым в первый раз умом его суровым.

Владимир Ильич «умом своим суровым» открыл «новые формы» нашего общественного бытия. Это закреплено в лозунге, ставшем лозунгом всемирной революции: власть советам! Владимир Ильич поднял перед всеми нами завесу нашего будущего и Владимир Ильич показал в то же время образец человека, который, несмотря ни на какие препятствия, ни на какую, даже самую тяжелую, обстановку, не опускал революционного знамени и, как вылитый из стали, шел к своей цели. Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали. Гигантские массы

приходят в движение, все больше и больше в нашей стране распахиваются ворота к дальнейшему великому творчеству. Когда мы читаем глупые строки, продиктованные страхом перед «дикими гуннами», когда «цивилизованные» мясники международной буржуазии обвиняют нас, строителей новой жизни, в «варварстве», мы можем с полной совестью сказать: мы создаем и мы *создадим* такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

---

12 коп.

